

С детства памятный напев...

«МИР СЕВЕРА», 2002

Я держал в руках эти почтовые марки странной треугольной формы с изображениями мохнатых яков и людей в причудливых одеждах и готов был все отдать, чтобы когда-нибудь очутиться в экзотических краях с таким коротким и красивым именем Тува...

Надо сказать, что меня с раннего детства привлекало все необычное, что тогда в изобилии было в пределах нашей многонациональной советской супердержавы. А было многое, о чем не приходилось и мечтать прагматичным жителям западных стран, лишенным пряных ароматов Средней Азии и Дальнего Востока, бескрайних снежных просторов Русского Севера, виноградного буйства Молдавии и гортанных песен народов Кавказа! Как же был счастлив я, когда, повзрослев, рассказывал своим зарубежным друзьям, что на территории нашей страны сохранились музыкальные инструменты, принадлежавшие к ранним индийским, персидским, китайским и прочим культурам. И для того чтобы раздобыть воспетый восточными поэтами афганский рубоб или предок индийского ситара - таджикский сетор, вовсе не надо ехать в Афганистан или в Индию. Достаточно купить билет на поезд в Душанбе и там в обыкновенном магазине под заурядным названием "Культтовары" приобрести вожделенный музыкальный инструмент. А для самых ленивых любителей восточной экзотики имелся более приемлемый, так сказать, вальжанный вариант - магазин "Таджикистан" на улице Горького, где помимо музыкальных инструментов были в изобилии и ковры, и

посуда, и уникальные ювелирные изделия, созданные руками лучших мастеров Таджикистана...

А тогда, в детстве, впервые увидев на экране нашего любимого семейного телевизора "КВН" фильм "Песня табунщика", я понял, что хочу быть киргизом, калмыком, китайцем, башкиром, тувинцем, потому что только там, где водятся такие мохнатые яки и живут сказочные батыры в ярких халатах, в сапогах с загнутыми мысами и льется рекой волшебный кумыс, смешиваясь с протяжными степными песнями, может быть счастлив человек...

Тувинские марки мне принес мой школьный товарищ Андрей Кудрявцев - страстный филателист и постоянный партнер по игре в "географичку". В этой игре надо было, услышав название страны, тотчас же назвать ее столицу. В случае проигрыша невежде отвечивали "щелбаны по кумполу", но надо сказать, со временем это происходило все реже и реже - столицы мира мы вскоре стали знать наизусть. Несмотря на испытанный восторг, марки я, к сожалению, собирать не стал, запечатлев навечно в памяти образ удивительной страны - Тувы, чья столица Кызыл ассоциировалась у меня со сладкой ягодой, из которой варили очень вкусное и ароматное кизиловое варенье.

В отличие от родителей, на чьи деньги, собственно говоря, и были куплены наши первые телевизоры "КВН" (шутники переводили это название так: Купил, Включил - Не работает), мы, дети, уже очень скоро стали безошибочно отличать художественные кинофильмы от телевизионных постановок и понять не могли, почему родители этой разницы не улавливали. Мы смотрели все подряд, часами просиживая перед экраном с телевизионной сеткой, похожей на мордочку котенка, ожидая, когда же появится диктор и начнутся столь долгожданные телепередачи.

Не знаю почему, но мне, маленькому, были особенно интересны трансляции концертов в рамках декад культуры союзных республик. Конечно, когда по сцене метался неистовый черт Шурале или балетная горьковская Смерть гонялась за Девушкой, глаза сами собой закрывались, а губы шептали: "Я не хочу, чтобы мне это приснилось!". Но когда артисты пели, а еще того лучше играли на музыкальных инструментах, сердце мое просто купалось в волнах блаженства.

Вот выходят на сцену Колонного зала Дома Союзов три тувинца в стеганых длиннополых халатах со ступенчатым вырезом на левой поле и стоячим воротником, обутые в кожаные сапоги с загнутыми кверху мысками и толстой многослойной войлочной подошвой. На головах - конические шапки с меховой тульей. В руках у двоих - музыкальные инструменты: какая-то двухструнная скрипка необычной формы и двухструнная то ли гитара, то ли балалайка, в общем, диковинный инструмент. Начинают играть. Голос у скрипки хриловатый, но приятный, мягкий, а тувинская "балалайка" так ладно ей подыгрывает... Вдруг в музыкальную канву буквально врывается невероятной красоты космический звук. Что это? Где этот чудесный инструмент? Из всех сил вглядываюсь в малюсенький экран "кавэна" через выпуклую линзу с кипяченой водой и... ничего не вижу. Минуту спустя каким-то шестым чувством начинаю понимать, что инструмента-то никакого и нет, это просто третий тувинец поет, и из его горла вылетают божественно красивые звуки, ничего общего с человеческим голосом не имеющие. Один звук низкий, рокошующий, монотонный, тревожный, а над ним еще один - высокий, звенящий, полетный, похожий на голос тростниковой флейты... И всю эту красоту создает один человек, каким-то немыслимым образом ухитряющийся петь сразу на два голоса!

Я было попытался голосом повторить услышанное, но, увы, у меня ничего путного не получилось, только охрип слегка.

Так я впервые познакомился с феноменальнейшим явлением - тувинским горловым пением "хоректээр", имеющим древнюю, многовековую историю. Прошли годы, но и сейчас, заслышав волшебные звуки хоректээра, я испытываю несказанное наслаждение.

Специалисты считают, что горловое пение появилось в незапамятные времена у тюркских и монгольских народов, основным занятием которых было кочевое скотоводство, и в его возникновении сыграли определяющую роль сходные социальные и этнокультурные условия. Тувинские пастухи, перегонявшие с пастбища на пастбище лошадей и овец, верблюдов и яков, разбивали свои кочевые селения - аалы - в приглянувшемся месте, ставили войлочные юрты и чумы, покрытые оленьими шкурами. Юрты и чумы делились на мужские и женские половины. И вот вечерами из мужской половины, где за чашкой кумыса собирались мужчины, владеющие мастерством горлового пения, звучали хриплые завораживающие голоса, причем каждый певец старался перещеголять другого, спеть на свой непохожий манер. Так веками шлифовалось это, дошедшее и до наших дней, уникальное искусство.

Потрясающе точную характеристику горловому пению дал выдающийся лексикограф, автор "Словаря живого великорусского языка" Владимир Иванович Даль: "Это в самом деле вещь замечательная: набирая в легкие как можно больше воздуха, певчий этот гонит усиленно, не переводя духа, воздух сквозь дыхательное горло и скважину его, или горловинку, и вы слышите чистый, ясный, звонкий свист с трелями и перекатами, как от стеклянного колокольчика, только гораздо протяжнее. Это не что иное, как свист дыхательным горлом - явление физиологически замечательное, тем более что грудной голос вторит этому свисту в то же время глухим, но довольно внятным однообразным басом".

И все-таки как же можно объяснить странную природу горлового пения? Как образуются эти высокие свистящие звуки? Некоторые знатоки говорят, что в природе не бывает ничего лишнего, и так называемые ложные связки в нашем горле, которые вроде бы человеку ни к чему, и образуют тот самый высокий второй голос. То есть, ложные связки сами без посторонней помощи не звучат, их заставляет звучать знающий секрет певец.

Попытку объяснить акустическо-физиологическую природу двухголосного горлового пения сделал в 60-е годы известный исследователь А. Аксенов в сборнике "Тувинская народная музыка", сравнив горловое пение с игрой на металлическом варгане - хомусе: "Мелодические звуки в горловом пении, точно так же, как и при игре на хомусе, являются обертонами низкого опорного звука, выделяемыми из него изменениями объема полости рта по принципу резонаторов Гельмгольца, но при игре на хомусе низкий опорный звук извлекается вибрацией язычка этого инструмента, а при горловом пении - особым приемом напряжения голосовых связок. Сопоставление технологии горлового пения с технологией игры на хомусе легко объясняет загадку вокального исполнения остигатного двухголосия одним певцом".

То что казалось легко А. Аксенову, вовсе не легко для нас, людей неискушенных. Научиться горловому пению ой как непросто. Мой тувинский друг Ондар Марат-Оол рассказывал, что в юности загорелся желанием освоить приемы хоректээра. И с юношеским пылом взялся за дело. В результате бедняга в течение месяца не мог принимать пищу - так сильно болело горло. Исхудавший, но не сломленный, Ондар все же продолжил затеянное уже более умеренными темпами, и все-таки добился своего! Теперь поет на два и даже на три голоса!

Тем из вас, дорогие читатели, у кого появилось желание научиться горловому пению, хочу дать совет: не пытайтесь

делать это самостоятельно - опасно для здоровья! Лучше поезжайте в Туву и там под руководством опытных певцов осваивайте хоректээра. Только не забудьте решить для себя, какой именно разновидности хоректээра будете учиться.

Существует пять основных стилей горлового пения: хоомей, сыгыт, каргыраа, борбаннадыр, эзенгилээр и огромное количество разновидностей: чыландык, деспен, деспен борбан, опей хоомей, буга хоомей, думчуктаар, киштээр, канзып, хову каргыраазы, кожагар каргыраазы, даг каргыраазы и другие. Богатый выбор - на любой вкус! Каждый стиль имеет свои традиционные приемы исполнения и звукоизвлечения, с помощью которых один и тот же человек поет двумя и даже тремя голосами одновременно.

Обычно хоректээра сопровождается игрой на тувинских струнных и смычковых инструментах. И здесь пришла пора рассказать вам, на чем же играли поразившие мое воображение в детстве тувинские музыканты.

Двухструнная тувинская скрипка называется игил. Ее эллипсоидный корпус выдалбливается из цельного куска дерева вместе с грифом и головкой в форме лопатки. Для изготовления игила традиционно используется мягкая древесина - сосна, кедр, лиственница. Это, говорят, придает звучанию особую прелесть. На верхней деке игила - круглое резонаторное отверстие. Струны жильные или из некрученого конского волоса проходят через отверстия в подставке, находящейся на верхней деке. Гриф без ладов, как на классической скрипке. Смычок представляет собой гнутый в виде дуги прутик с прикрепленным к нему конским волосом, натяжение смычка осуществляется пальцами правой руки. Тувинские музыканты привыкли играть сидя по-турецки и во время игры держат игил вертикально, засовывая нижний острый конец корпуса за голенище сапога. В игре обычно принимают участие три пальца левой руки (2-й, 3-й и 4-й), мелодия исполняется на первой

струне, а вторая звучит постоянным бурдоном. По своему тембру игил идеально сочетается с горловым пением, иногда даже трудно определить в ансамбле по отдельным нотам, что звучит - голос или игил, иными словами - кто кому подражает.

Если игил считается в наши дни инструментом сравнительно редким, то тошпулур (двух- или трехструнный щипковый инструмент) и в прошлом был широко распространен и сегодня это едва ли не самый популярный, любимый в народе музыкальный инструмент. Встречаются тошпулуры трапецевидной и полусферической формы, клееные и долбленные. У одних верхняя дека деревянная, у других затянута кожей мембраной, у третьих - комбинированная: в середине деревянной верхней деки находится круглая мембрана из бычьего пузыря. Струны у тошпулура бывают жильные или металлические (современный вариант), но мне лично больше по душе жильные, их звук таинственнее и древнее! Основным приемом игры на тошпулуре является бряцание - удары одним или несколькими пальцами правой руки по струнам, причем мелодия, как правило, исполняется лишь на первой струне, тогда как вторая создает постоянный монотонный звук, совсем как нижний голос в горловом пении. Неповторимое очарование звукам тошпулура придает специфический шум, получающийся при ударе пальцев правой руки о верхнюю дека. Гриф у тошпулура длинный и без ладов. Общая длина классического тошпулура примерно 770 миллиметров, встречаются экземпляры и побольше. Например, мой тошпулур ручной работы, привезенный из Кызыла, достигает 900 миллиметров в длину. Деревянную часть его верхней деки украшают два фигурных резонаторных отверстия. Одно - в форме тувинского музыканта, играющего на тошпулуре, другое изображает девушку, грациозно танцующую с чайными пиалами в руках.

Надо сказать, что одной из характерных особенностей тувинского национального музицирования является ансамблевая

игра. И это не случайно. Музыкальные инструменты, созданные тувинским народом, неразрывно связаны с окружающей природой, обычаями и традициями предков и поэтому так гармонично сочетаются в ансамбле, несмотря на то, что зачастую собраны из разных уголков Тувы.

Если игил и тошпулур - инструменты, так сказать, "малострунные", то тувинский чадаган с его 7-ю - 8-ю струнами уже относится к многострунным инструментам. Корпус чадагана, долбленный снизу, изготавливают из кедра. Внешне он похож на перевернутое деревянное корыто - такое как в пушкинской "Сказке о рыбаке и рыбке". Иногда встречаются клееные чадаганы, но долбленные считаются лучшими, потому что имеют необычайный по красоте глубокий и благородный звук. Струны у чадагана раньше изготавливали из овечьих или оленьих жил или из конского волоса, позже тувинские музыканты стали использовать металлические струны. Все семь или восемь струн чадагана традиционно настраиваются по пентатонике - звукоряду из пяти нот. Кто не знает, что это такое - попробуйте сыграть мелодию, используя только черные клавиши фортепиано.

"Всего пять нот?" - воскликнет скептик. - "Ну и что путного, скажите на милость, с их помощью можно сыграть? Ведь даже в европейской семиной системе звуков явно недостаточно, что дает возможность иным композиторам, уличенным в плагиате, резонно возразить: "Нот-то всего лишь семь!".

Да, конечно, тувинским музыкантам гораздо труднее, чем их западным коллегам, создавать музыку, используя только пентатонический звукоряд. Но об этих трудностях никто и не думает. Просто музыка эта имеет богатейшую историю, уходящую в глубь веков. И деды современных тувинцев, и прадеды, впитавшие пентатонику с молоком матери, виртуозно владели этой лаконичной и необычайно выразительной

философско-музыкальной системой. Живет она и в наши дни, являя миру подлинные шедевры тувинского народного музыкально-поэтического творчества. Современные исполнители на игиле и тошпулуре легко смогут сыграть любую европейскую классическую или популярную мелодию, благо диапазон этих инструментов позволяет. Но вот попытки "европейцев" с лету постичь невероятные сложности восточной музыки почти никогда не удавались.

И все же сегодня, когда во всем мире идет мощная волна увлечения так называемой "этномузыкой", возрастает интерес к подлинному, автохтонному фольклору у тысяч и тысяч молодых людей, происходит естественная переоценка ценностей, в результате которой набившие оскомину программируемые синтезаторы задвигаются в угол, а на сцены лучших залов Европы и Америки выходят настоящие, живые музыканты в старинных национальных костюмах с диковинными инструментами в руках. Эх, по душе мне это!

